

"Стрелы"

В период Февральской революции и временного правительства, когда уже прозвучал манифест Николая II об отречении от престола, в Одессе очень короткое время (апрель-июнь) в 1917 г. выходил буржуазный сатирический журнал "Стрелы", по позиции близкий к конституционно-демократической партии. Вероятно, одесситов прельщало в ее программе, в частности, "культурное самоопределение народностей, входящих в состав Российской империи". В короткой редакционной статье слышалось наивное ликование: "Мы живем в республиканское время... в дни братания армии и народа, в минуты счастья освобожденных от рабства граждан...". Лозунг редакции: "Стрел не жалеть... острых, колючих, режущих толстокожих врагов свободы, агентов царизма и кайзеризма...".

И они летели, эти "стрелы" (их хватило на восемь номеров журнала), пущенные сатириками с благословения редактора-издателя А.Х. Рабиновича (Чивонибара) и заведующего художественной частью С.Г. Гольдмана.

Именно последнему мы обязаны настоящим пиром рисунков и карикатур профессиональных талантливых художников. Масса экспрессивных работ Сигизмунда Олесевича, политических, бытовых, актерских зарисовок, запрещенные прежде рисунки Mad, эскиз маслом Петра Нилуса "Манифестации в Одессе", зарисовки Филиппа Гозиасона, Фра-Филиппо, С. Солнцева, А. Кальнинга и др.

Редакция призывала авторов не присылать старых анекдотов "про тещ и стрелочников". Стихи и проза в журнале зачастую полны гражданского пыла и страсти, но нужно честно отметить, художественные достоинства их оставляют желать большего мастерства.

Однако портретная галерея современников, талантливые зарисовки "театрального альбома", некоторые стихотворные опусы, как, например, сатирический "диалог" Романова и Ленина на тему "мы с вами оба пораженцы", возвышенные стихи, посвященные А. Керенскому, и многое другое все же дают нам представление о трудной весне 1917 года, когда одесситов донимали бесконечные митинги и пустая говорильня, когда действительно хотелось пустить острые стрелы "и в "решетку", и в "орла".

Татьяна ЩУРОВА

Игра жизни.

Жизнь — шалунья, жизнь — проказникъ,
 То мрачна, то свѣтла,
 Жизнь играетъ (точно въ праздникъ)
 И въ "рѣшетку", и въ "орла".
 Были дни, — припомню кротко, -
 И дышало все враждой
 И царила лишь рѣшетка
 Надъ російскою землей!
 Но иные дни настали,
 Нѣтъ былой кровавой мглы
 И сидятъ, полны печали,
 За рѣшеткою... орлы...

Як. С-съ.

Крайности сходятся.

(Разговоръ, который могъ бы произойти,
 если бы они встрѣтились).

Романовъ (съ завистью).

Счастливый Ленинъ, васъ съ экспресомъ
 Везли германцы въ русскій край.
 О васъ прочель я съ интересомъ...

Ленинъ (гордо).

Да, васъ, товарищъ Николай,
 Германцы такъ не повезли бы,
 Они вамъ вѣрить не могли бы.

Романовъ (горячо).

Нѣтъ, извините, дорогой,
 Я вамъ ручаюсь головою,
 Что если бы выбраться до Ковно
 Мнѣ удалось со всей семьей,
 Меня бы приняли любовно.
 Вопросъ, кого еще изъ насъ
 Любезнѣй встрѣтили бъ сейчасъ,
 Мы съ вами оба — пораженцы.
 А такъ какъ нѣмцы — не младенцы,
 То одинаковый приѣмъ
 Намъ оказали бы во всемъ!

Р. Респ.

Запрещенная.

Карикатуристъ Мадъ рисовать, а цензоръ хоталъ. Хототалъ, потому что интересный рисунокъ.

И потому, что онъ самъ становился рисовальщикомъ.

Цензоръ на карикатурѣ рисоваль:

—Запрещаю.

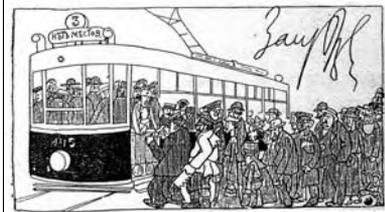
Одесская картинка.

Изъ коллекціи рисунковъ Мадъ, запрещенныхъ цензурой.

Окт. 1916 г.

ГОЛОВА.

ХВОСТЪ.

Третій.

У отца родились дѣти.

(Божья воля! Богъ великъ!):

Двое умныхъ, ну, а третій—

Ну, а третій — большевикъ.

РУССКІЯ ГОРКИ.

Карикатура Мадъ на Протопопова, нарисованная въ февралѣ с. г. передъ разгономъ Гос Думы и запрещенная тогда цензурой.

Для того, чтобы я могъ подняться еще выше, нуженъ разгонъ

МОЛОДАЯ СВОБОДА

Можно-ли убрать эти подпорки, когда надвигается буря?

Полезные совѣты.

Строго считаю гражданским долгомъ дать нѣсколько практическихъ совѣтовъ лекторамъ, агитаторамъ, пропагандистамъ и ораторамъ.

Лекторъ, пропагандистъ и пр. долженъ имѣть видъ озабоченный и всей своей фигурѣ придавать характеръ устремленія:

— Ждутъ еще на 11 митингахъ.

Голосъ долженъ быть обязательно трубный, но осплшій:

— На 7 митингахъ уже говорить.

Для сего полезно предварительно дома "переговорить" съ женой, по дорогѣ побесѣдовать съ извозчикомъ или просто выпить бутылку "чистаго клюквеннаго квасу".

Движенія лектора, оратора и пр. должны быть порывисты и энергичны. Позволяется изрѣдка стучать кулакомъ по столу, но онаго отнюдь не разбивать, чтобы не вводить устроителей въ расходъ.

Самое главное, что требуется отъ лектора, — это находчивость.

Во дни оны одинъ ораторъ выступалъ "на массовкѣ" и говорилъ о социализмѣ. Времена были такія, что за эти рѣчи особой благодарности ждать не приходилось. Настроение слушателей было мало любезное.

Тогда находчивый ораторъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Вамъ говорятъ, чтобы вы не слушали социалистовъ, рассказывають о нихъ всякіе страхи, увѣряють насъ, что социалисты — это не люди, а черти. Васъ обманываютъ. У чертей есть хвосты, а вотъ я социалистъ — есть у меня хвостъ?!

И изумленные слушатели имѣли возможность убѣдиться, что у социалистовъ хвостовъ нѣтъ. Всѣ они записались въ партію.

Другой ораторъ былъ разъ прерванъ вопросомъ съ мѣста:

— Что такое социализмъ?

Говоря совсѣмъ о другомъ предметѣ и будучи

Ораторша въ собраніи женъ.
Рис. Л. Солнцева.

— Плевать на милліонъ!..
— Плевать на газетъ!..

къ вопросу неподготовленнымъ, ораторъ, тѣмъ не менѣе, нашелся и сразу отвѣтилъ:

— Социализмъ былъ выдуманъ римскимъ кардиналомъ по имени Соція, откуда и произошло это слово.

Вотъ какъ много значить находчивость.

Даже входя въ азартъ, ораторъ, однако, никогда не долженъ забывать, гдѣ онъ находится. Такъ, напримѣръ, на митингѣ студентовъ нельзя говорить даже нечаянно:

— Мы, кухарки...

А на митингѣ кухарокъ неудобно говорить:

— Мы, пожарные...

Ибо послѣднее могутъ принять и за намекъ.

Большое значеніе для оратора имѣеть внѣшность, но это само собою понятно и о семъ распространяться не будемъ.

Кромѣ всего перечисленнаго ораторъ долженъ знать:

1) О чемъ его пригласили говорить?

2) Что на эту тему было уже сказано и написано другими умными людьми?

При соблюденіи всѣхъ этихъ условій, ораторъ, лекторъ, пропагандистъ и пр. можетъ вполне разсчитывать на успѣхъ.

Old Man.

Сказки жизни.

Иванъ Ивановичъ Женатый шелъ со службы домой, помахивая тросточкой и мечтая о борщѣ съ пирожками.

Едва Иванъ Ивановичъ открылъ дверь, какъ старая родственница жены взволнованно сообщила:

— Экстренно нужна акушерка!

Иванъ Ивановичъ въ одно мгновение очутился на углу Ришельевской и Б.-Армавурской. И одна только мысль не выходила у него изъ головы:

— Скорѣй попасть на 23 номеръ.

Иванъ Ивановичъ сталъ ждать.

Прошелъ 27 номеръ, потомъ опять 27-й, и опять 27-й, потомъ 16-й, потомъ снова 27-й, потомъ шестнадцать разъ 16-й, потомъ 23-й, но не въ ту сторону, куда надо было Ивану Ивановичу, потомъ снова 27-й и...

Тутъ прибѣжала запыхавшаяся горничная:

— Елена Ивановна сказали: акушерки уже не надо, нуженъ докторъ, чтобы вы скорѣе ѣхали.

Къ доктору надо было ѣхать двадцать седьмымъ номеромъ.

И Иванъ Ивановичъ сталъ ждать.

Ждать мучительно долго.

Но тутъ прибѣжала горничная:

— Елена Ивановна сказали, докторъ самъ пришелъ, а чтобы вы ѣхали за мамкой.

За мамкой надо было ѣхать 16-мъ номеромъ.

И Иванъ Ивановичъ сталъ ждать.

Шестнадцать разъ прошелъ 16-й номеръ въ обратную сторону и шестнадцать разъ туда, куда надо было Ивану Ивановичу, и шестнадцать разъ сказала кондуктриса Ивану Ивановичу:

— Нѣтъ мѣстовъ!

А когда настала ночь, добрый милиционеръ посадилъ Ивана Ивановича на штейгера и отвезъ въ сумасшедшій домъ.

Анна Петровна сегодня волнуется, — Анна Петровна не будетъ на "лэнчъ", Анна Петровна любитъся Новенькимъ френчемъ.
"Только подумать. Какъ правила нами Шляпки, модистки, плерезы... Грезится, манить кровавое знамя, Бурный призывъ Марсельезы.
"Битвы... лишенья... Изъ вашей ли области? Вы, вѣдь, не знали военщины?"
— "Нѣтъ, на военныя доблести Мы ль не способны, о, женщины!"
"Чортъ его съ нѣмцемъ!"
въ большомъ возбужденіи Анна Петровна нечаянно влѣпится. Павелъ Антонычъ такимъ выраженіемъ Приводится въ трепеть.

.....
Анна Петровна грустна и разсѣянна.
— "Полю и Гликерію! Тише, вы черти!"
Анна Петровна печально объянна, Анна Петровна готовится къ смерти.
...Трещъ пулеметовъ... Коварные газы...
...Пуля шальная... Злодѣйка-зараза...
Анна Петровна ласкается къ Полю, Анна Гликерію гладитъ любовно...
"Если умру за родимую волю..."
Милая Анна Петровна!

Old Man.

Автос